

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

3 июля 2014

Мюррей Букчин

Анархия и организация. Письмо «левым»

Мюррей Букчин

Анархия и организация. Письмо «левым»

1969

Этот текст — как бы ответ Букчина на упреки одного из лидеров партии “Черные пантеры”, Хьюи Ньютона. Ответ давний — был опубликован в “New left notes” в 1969 году, но актуален по-прежнему. К тому же, мы сейчас находимся в положении, когда вынуждены догонять западных левых. На русском публикуется впервые. (из вступления к статье в газете «Ситуация» — прим. ред.)
Сохранено 3 июля 2014 года из <http://www.aitrus.info/node/620>

1969

рое могло бы хоть с натяжкой быть названо свободным.

Любой серьезный анархист, конечно, согласится с заявлением Хью относительно “необходимости замены империалистических структур организованными группами”. Мы должны действовать вместе, если это возможно. Мы должны также отдавать себе отчет в том, что в Соединенных Штатах, центре мирового империализма сегодня, экономика и технологии развиты настолько, что это почти за одну ночь может снять все проблемы, ради решения которых, согласно Марксу, и необходимо государство. Было бы ужасной ошибкой оценивать экономику потенциального изобилия и компьютеризацию производства с теоретических позиций, которые укоренились еще в технологическую эру угля, неразвитых механизмов, долгих часов тяжелого труда и материального недостатка. Сейчас настало время прекратить попытки учиться на примерах Китая Мао и Кубы Ф. Кастро — и посмотреть на экономическую действительность, находящуюся прямо у нас под носом, чтобы насладиться, как вскоре американский буржуазный колосс будет опрокинут, и его ресурсы будут поставлены на служение человечеству.

Мюррей Букчин, (перевод – “Столетний дождь”)

Ситуация №13, апрель 2006

статочным организмом, государственной машиной, которая сохраняет все отжившие условия для собственного существования.

Надуманно также и утверждение о том, что якобы сильно “централизованная” и “дисциплинированная” партия способствует успеху революции. Большевики были расколоты, раздроблены и пронизаны фракционной борьбой с октября 1917 до марта 1921. Как ни странно, Ленин сумел полностью централизовать и дисциплинировать свою партию только после того, как последние части Белой армии были вытеснены из России. И все это происходило на фоне бесконечных предательств иерархических, “дисциплинированных”, высоко “централизованных” левых партий. Они непреклонно исходили из факта, что каждая организация (какой бы революционной ни была ее риторика, и какими бы благими ни были ее цели), структурно моделирующая себя по прообразу той системы, которую она стремится свергнуть, ассимилируется и разрушается буржуазными отношениями.

Несомненно, существуют проблемы, которые могут быть разрешены только в рамках комитетов, координации, и высокого уровня самодисциплины. Для анархистов деятельность таких комитетов должна быть сведена к решению практических задач (ради чего они и существуют), и они должны исчезнуть, как только их цели будут достигнуты. Координация и самодисциплина должны быть достигнуты добровольно, на основании высокого морального и интеллектуального уровня революционера. Не нужно отождествлять понятие “революционер” с бездушным роботом, продуктом авторитарной подготовки, манипулируемым агентом, чьи личные качества, особенности характера и мировоззрение являются совершенно чуждыми, более того, резко противоположными любому обществу, кото-

Существует древний миф, согласно которому анархисты не верят в способность организаций стать проводниками революционной деятельности. Он был поднят Маркузе в интервью L'Express несколько месяцев назад и вновь озвучен Хью Ньютоном в его работе “В защиту Самозащиты”, которую NEW LEFT NOTES решили переиздать в недавнем выпуске National Convention. Спорить по вопросу: “организация” или “неорганизация” нелепо; эта проблема никогда не была предметом спора для серьезных анархистов, возможно, кроме как для тех одиноких “индивидуалистов”, чья идеология основана в большей мере на радикальном варианте классического либерализма, нежели на анархизме. Да, анархисты верят в организации — в национальные организации, в международные организации. Анархистские же организации, в свою очередь, ранжируются от обособленных, высоко децентрализованных групп, до целых движений, насчитывающих тысячи сторонников (как, например, испанская FAI).

Перед нами стоит не вопрос выбора “организация” или “неорганизация”, а скорее вопрос формы этой организации. У различных анархистских организаций есть одна общая черта — они по своей сути спонтанно развиваются “снизу”, вместо того чтобы их конструировали “сверху”. Это — социальные движения, сочетающие в себе творческий революционный образ жизни с созидательной революционной теорией, а не политические партии, чье существование неотделимо от окружающей буржуазной среды, а вся идеология сокращена до непоколебимых испытанных и проверенных программ. Они пытаются сделать все возможное, чтобы построить свободное общество, без рабского подражания системе превалирования иерархии, класса, и власти в целом. Эти движения образуются вокруг близких групп братьев и сестер, чья способность действовать обычно

базируется на инициативе, свободных убеждениях, и глубокой личной вовлеченности, а не на бюрократическом аппарате, реализованном в покорном членстве и управляемым горсткой всезнающих “лидеров”.

Я не знаю, кого Хью имеет в виду, говоря об “анархистах”, которые верят, что “индивидуальное самовыражение” — это все что нужно для достижения свободы. Может быть Тима Лери? Или Аллена Гинзберга? Или “Битлз”? И при этом мне не ясно, где Хью раздобыл факты о французском восстании в мае-июне. “Коммунистическая и другие прогрессивные французские левые партии” не просто “плелись позади толпы”, как утверждает Хью; эти “дисциплинированные” и “централизованные” организации любыми способами пытались препятствовать революции и перенаправить ее в традиционное парламентское русло. Даже “дисциплинированная”, “централизованная” троцкистская FER и маоистские группы оказывали сопротивление революционным представителям студенчества как “ультралевым”, “авантюристским”, и “утопическим” вплоть до первых уличных боев в мае. Характерно, что большинство “дисциплинированных”, “централизованных” левых организаций Франции также отвратительно волочило позади событий, а в случае “Коммунистической и прогрессивных партий” — и вовсе бесстыдно выдавали студентов и рабочих системе.

Я нахожу любопытным, что, Хью, обвиняя французские сталинистские группы в пассивности, возлагает на анархистов и Дэнни Кон-Бендита ответственность за людей, “вынужденных возвратиться к Де Голлю”. Я посетил Францию вскоре после восстания, и я могу без труда доказать, как решительно Дэнни Кон Бендит, “Движение 22 марта” и анархисты пытались взамен правительству Де Голля разработать собственные формы собраний и комитеты действий, что и реализовалось в “струк-

турной программе” (в действительности же, вышедшей далеко за рамки простой “программы”). Я мог бы также весьма ясно описать, как они пытались убедить рабочих продолжать удерживать фабрики и устанавливали прямые экономические отношения с крестьянами: короче говоря, как они пробовали заменить французскую политическую и экономическую структуру созидательными, жизнеспособными революционными формами. Именно здесь они постоянно наталкивались на преграды со стороны “дисциплинированных”, “централизованных” французских партий левого толка, в том числе и множества троцкистских и маоистских сект.

Существует также и другой миф, который должен быть развеян — он заключается в том, что социальные революции были проведены строго дисциплинированными лицами, под высоко централизованным руководством. Все великие социальные революции — результат глубинных исторических сил и противоречий, в которые революционеры и их организации вносят очень небольшой вклад. Сами же революции вспыхивают спонтанно. “Самая правильная партия” обычно остается в стороне от этих событий — и, только если восстание заканчивается победой, она принимает на себя командование и управление, и неизменно извращает достигнутые результаты. Кроме того, когда революция до стигнет своего реального пика, будет ли эта “выдающаяся партия” воссоздавать другую систему иерархии, контроля и власти в своей священной миссии “защитить революцию”, или она растворится в революции вместе с иерархией, господством и властью как таковой? Если каталитическая функция революционной организации выполнена, она либо растворяется в народных формах общественного устройства, созданных революцией, либо становится проводником через который пережитки прошлого вносятся в революцию, самодо-